

**СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ ДВИЖЕНИЯ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ЕВРАЗИЙСКОМ ПОЯСЕ СТЕПЕЙ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Этнокультурные процессы
в Урало-Казахстанских степях во второй половине VI – V вв. до н.э.»),
проект № 08-01-85109а/У

На основе данных о переселении калмыков, зафиксированных в письменных источниках, предлагается модель движения кочевников в Урало-Казахстанских степях.

Ключевые слова: Урало-Казахстанские степи, археология, ранние кочевники, калмыки, пути миграций, модель движения кочевников.

Становление культур начала раннего железного века в Урало-Казахстанских степях связано с мощной миграцией кочевых племен из районов современного Северного и Северо-Западного Китая и Западной Монголии в конце VIII или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. [8]. Однако это была не последняя и, вероятно, не первая миграция выходцев из Центральной Азии в Урало-Казахстанские степи.

От Урало-Казахстанских степей Центральная Азия отгорожена почти непрерывной цепью хребтов, разделенных двумя основными проходами: долиной Иртыша и Джунгарскими воротами. Пройдя через них, кочевники устремлялись на Запад северным и южным путем. Северный путь – вниз по Иртышу, а затем к Ишиму и Тоболу. Южный – через Семиречье и Среднюю Сырдарью на Нижнюю Сырдарью. Оба пути, пройдя через Южный Урал, соединялись в заволжских степях [7. С. 73, 74]. Таким образом, любое крупное перемещение номадов с востока степной Евразии на запад проходило через Южный Урал. Поэтому Южному Уралу и, в частности, Южному Зауралью, принадлежит особое место в изучении процессов миграций, протекавших в евразийских степях в древности и средневековье.

Анализ погребальных памятников ранних кочевников Южного Зауралья I тыс. до н. э. показывает определенную периодичность резких изменений погребальной обрядности и материальной культуры, связанных с притоком нового населения с востока степной Евразии. Такие перестройки стереотипов культуры кочевого населения Южного Зауралья достаточно отчетливо фиксируются во второй половине VI в. до н. э. и в конце V в. до н. э. Менее отчетливо эти перестройки отмечаются для конца IV в. до н. э., второй половины-конца III в. до н. э., второй половины II в. до н. э., рубежа I в. до н. э. – I в. н. э., что связано с незначительным количеством памятников конца IV в. до н. э. – I в. н. э.

Выявленные на материалах Южного Зауралья ритмы миграций кочевого населения Центральной Азии в западные регионы степной Евразии вполне отчетливо соотносятся с квазивековыми циклами развития природы, обусловленными периодичностью глобальных климатических изменений. В настоящее время не вызывает сомнений, что значительную роль в этих глобальных изменениях климата играет солнечная активность, имеющая определенные, в том числе и квазивековые, циклы.

Отметим также, что периоды резких трансформаций культуры кочевников Южного Урала I тыс. до н.э. – I тыс. н. э. вполне отчетливо соотносятся с периодами

аналогичных трансформаций культур кочевников других регионов Евразии (Тувы, Алтай, Казахстана, Северного Причерноморья). Отсюда, на наш взгляд, следует вывод о том, что периоды резкой перестройки культур населения степной Евразии происходят синхронно и связаны они с глобальными квазивековыми ритмами изменений климата, обусловленными соответствующими циклами солнечной активности.

В I тыс. до н. э. миграции центральноазиатских кочевников на Запад проходили в основном южным путем. Северный был задействован, вероятно, лишь однажды – в конце VIII или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. Преимущественное использование южного пути было обусловлено, очевидно, наличием в степях Северного и Центрального Казахстана и/или в Зауральско-Западносибирской лесостепи достаточно мощных кочевых или полукочевых объединений, которые не допускали массовых переселений через контролируемые ими территории. В последующей истории по северному пути шло расселение кыпчаков и калмыков [8. С. 172].

Движение кочевого населения нельзя представлять себе в виде непрерывного целенаправленного похода из одного конца степного пояса в другой. Происходило оно поэтапно, с более или менее длительными интервалами между переходами [7. С. 75]. Иллюстрацией этого положения, также как и движения кочевого населения по северному пути могут служить данные о переселении калмыков, зафиксированные в письменных источниках.

В конце XIV – первой половине XV века в Западной Монголии сложилось государство ойратов (калмыков русских источников). Их владения располагались на территории, простирающейся от верховий Иртыша и Енисея на севере до границ пустыни Гоби на юге, от Хангайских гор на востоке до Моголистана (Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана) на западе. В XVI веке под натиском восточно-монгольских племен ойраты (калмыки) вынуждены были продвинуться с районов Орхона на запад, в верховья Иртыша. В последние десятилетия XVI века на северо-западе Монголии (Халха) возникла держава Алтын-ханов, перешедшая в планомерное наступление на калмыков, стремясь оттеснить их на запад, за линию Алтайских гор. В конце XVI века калмыки (ойраты) делились на ряд объединений – чоросов (джунгары, зюнгары), хошуты (хошоуты), торгуты (торгоуты), дербены (дэрбэты, дербеты) и хойтовы, во главе которых стояли крупные тайши. Эти объединения делились на ряд более мелких владений – улусы, возглавляемые тайшами более низкого ранга. Во второй половине XVI века хошуты занимали самую восточную часть ареала расселения ойратов: юго-восток Западной Монголии между северными подножиями Тянь-Шаня и южными – Монгольского Алтая в меридиональном направлении, между озером Баркуль и восточными отрогами Джунгарского Алатау – в широтном. Чоросы – самую западную часть ойратского ареала: от озера Иссык-Куль до южных берегов озера Балхаш в меридиональном направлении, от западных отрогов Джунгарского Алатау до западной оконечности озера Балхаш – в широтном. Торгуты кочевали к северу от хошуты и северо-востоку от чоросов, где сходились Джунгария и Западная Монголия, по Тарбагатаю, от озера Алаколь до озера Зайсан в меридиональном направлении, от западных отрогов Монгольского Алтая до восточной оконечности озера Балхаш – в широтном. Кочевья хошуты, чоросов и торгуты сходились у Джунгарских ворот – прохода в Джунгарском Алатау, который соединял Джунгарскую котловину с Семиречьем. Дербены жили на северо-западной оконечности ойратских владений: к северу от Черного Иртыша, который разделял их с торгутами, на западных склонах Монгольского Алтая [4. С. 40].

Неблагоприятная внешнеполитическая обстановка в Джунгарии конца XVI века, ухудшение хозяйственно-экономического положения, воинственная активность

главы чоросцев (джунгаров) заставили ряд дербетских, торгутских и хошутских тайшей начать откочевку со своими подданными на северо-запад – в Обь-Иртышское междуречье. Как отмечает И. Я. Златкин, движение на северо-запад диктовалось самой обстановкой. Дорога на север была закрыта владениями Алтын-хана, на восток – восточномонгольскими племенами, на запад путь преграждали казахи, стремившиеся полностью вытеснить ойратов из Семиречья и прилегающих к нему областей. Лишь одно направление – северо-западное – было более или менее открыто для ойратской миграции. «И они по нему пошли, освоив в первую очередь районы, прилегающие к современным городам Семипалатинску, Павлодару и к северо-востоку от Акмолинска (Астаны. – А. Т.)» [3. С. 118, 119].

Первыми на северо-запад двинулись дербены и торгуты. В 90-х годах XVI века кочевья части калмыков простирались от верховий Иртыша, от озера Зайсан, до Оми и Тары. Именно эти территории долгое время были плацдармом, откуда калмыки совершали рейды в глубь казахстанских степей и откуда шла их постепенная миграция на запад.

В 1606–1607 годах один из самых видных калмыцких тайши Урлюк (Хо-Орлюк, Хо-Урлюк), глава торгоутов, а вслед за ним и другие тайши, испросив разрешения у тарского воеводы, стали кочевать – по Камышлову, на левобережье Иртыша и у Ямышевского озера. Уже в 1608 году часть калмыков появилась на Эмбе в кочевьях ногаев, а в 1613 году четырехтысячный калмыцкий отряд впервые перешел Яик, но после столкновения с ногаями ушел назад в Прииртышье¹. Вновь за Яиком калмыки появились в 1619 году, напав на кочевья ногаев по рекам Узени и Камыш-Самаре между Яиком и Волгой, но снова ушли назад. В конце 1622 года калмыки вновь перешли через Яик и вытеснили основную массу ногайцев за Волгу.

В 1619 году дербеты тайши Далай кочевали уже по Ишиму и Тоболу. В это же время в Барабинскую степь, между озером Чаны и рекой Омь, выдвинулся улус чоросского тайши Сенгула. Летом 1621 года ряд тайши дербетов, чоросов и торгоутов со своими улусами прикочевали к Оби и в устье Чумыша построили укрепленный лагерь, собираясь зимовать и кочевать между Томском и Кузнецком. Зимой 1622 года некоторые калмыцкие улусы подошли к уфимским волостям в Зауралье, хотя основная их масса по-прежнему кочевала по Иртышу, Камышлову и Оми. В 1623 году хошоутский тайши Байбагаса покинул берега Иртыша и Ишима, куда он пришел со своим улусом в 1620 году, и стал кочевать по Тоболу между Тюменью и Уфой.

Летом 1625 года часть калмыков перешла к верхнему течению Эмбы, и с этого времени источники постоянно сообщают об их кочевьях в этом регионе. В 1628 году захваченные астраханскими стрельцами пленные калмыки сообщили о том, что чоросский тайши Чокур летом кочевал на Иртыше, а осенью перешел на Эмбу и остался там с 3–4 тысячами своих подданных. В 1630 году Чокур, а также некоторые торгоутские тайши уже кочевали на Яике. В этом же году на Эмбу и Яик пришла большая группа калмыков, преимущественно из торгоутов, в том числе и из-под сибирских городов. Другие группы калмыков по-прежнему кочевали как за Иртышом, так и по Ишиму, и по Тургаям между Ишимом и Тоболом.

Осенью 1629 года тайши Далай отправил в Уфу и Москву послов с просьбой о подданстве и о разрешении перекочевывать из Каракумов к уфимским волостям. По словам послов, Далай кочевал «на Дембинских вершинах, в большом займище на Черном песке блиско Юргенчи з детьми своими», т.е. на пространстве от Эмбы до Ургенча. Далай с сыновьями и улусными людьми были приняты в подданство, но кочевать им было предложено «на прежних кочевьях за Иртышом», а не по Яику, Эмбе и Тоболу, где неминуемы столкновения с башкирами и ногайцами. Зимой 1630

года уфимский воевода напомнил калмыкам Далаю: «...чтобы в башкирских вотчинах по Ембе и х Казачьей орде и по Яицким вершинам не кочевали... а по Яику бы вниз и по Ембе и по Тоболу не кочевали, а кочевали б они, калмыцкие тайши... на старых кочевьях в-Иртышских вершинах» (Цит. по: [4. С. 52]). Позднее российское правительство пошло навстречу калмыкам и в сентябре 1648 года предписало уфимскому воеводе созвать в Уфе съезд башкирских старшин, на котором объявить о том, что калмыки станут кочевать по Яику, Ори, Килу, Сакмарю и другим рекам. Однако уже в следующем, 1649, году правительство в специальной грамоте призывало Дайчина отойти за Яик и Эмбу, а по рекам Ори, Килу, Сакмарю и другим не кочевать, а «...сойтить в дальние свои прежние кочевья на Черные Пески и на Иргиз-реку, и где ты преж сего кочевал» [4. С. 53; 5. С. 77].

В конце 1630 года торгоуты улуса Урлюка, которые осенью из-под сибирских городов перекочевали на Каракумы, а затем перешли на Эмбу, совершили внезапный набег на ногайские улусы между Яиком и Волгой. Летом 1632 года Урлюк кочевал в верховьях Тургаев между Ишимом и Тоболом, а его сын Дайчин в это время – в верховьях Урала.

Согласно сообщению приехавшего в 1633 году в Тару бухарского посла, тайши Урлюк с сыновьями заняли своими кочевьями обширную территорию между Сырдарьей и Яиком. В 1633 году торгоуты сначала Дайчина, а потом Урлюка перешли Яик и появились на Камыш-Самаре и двинулись на ногайские улусы. В январе 1634 года разведочный отряд калмыков Дайчина, возможно впервые, вышел к Волге выше Астрахани. Походы на Волгу и к Астрахани продолжались и в следующие годы. Однако это были не более чем обычные для кочевников набеги на соседей, которые имели место и позже, например в 1637 году. Кочевали калмыки пока еще далеко от Волги. Так, летом 1636 года тайши Урлюк кочевал по Эмбе, а его сын Дайчин в верховьях Яика. В следующем году Урлюк покинул свои старые кочевья за Эмбой и стал кочевать летом за Яиком по реке Орь, а зимой в Каракумах. Большая же часть калмыков по-прежнему оставалась за Иртышом и в казахстанской степи. Побывавший в калмыцких улусах в конце лета или начале осени 1638 года татарин сообщал, что тайши Далай и Куйши кочуют по Иртышу. Дайчин зимовал в песках Каракум, а на лето перешел на реку Ишим-Тобул. В следующем году Дайчин после зимовки в Каракумах весной подошел «к Уфе к сибирским городам ближе...». Урлюк, зимовав близ Бухара, летом кочевал «вверх по реке по Тоболу».

В 1641 году сын Урлюка, тайша Шункей, отправил астраханским воеводам послание, в котором, в частности, говорилось: «Волга – место ваше, а Яик – кочевные места наши». Зимой 1642/43 года Урлюк провел на Индерских горах по левому берегу нижнего течения Яика, его сын тайша Даузан – в Рын-песках по рекам Большой и Малый Узень. Летом Урлюк перешел Яик и прикочевал к Самаре. Улусы его сыновей стояли всего на расстоянии одного дня пути от Самары. Отсюда некоторые тайши пошли дальше на север и северо-восток до Прикамья. А Урлюк вернулся на юг. В декабре 1643 года калмыки впервые перешли Волгу и двинулись на Кабарду. Однако поражение, нанесенное калмыкам в 1643–1644 годах под Саратовым и Самарой уфимским и самарским воеводами, разгром калмыков объединенными кабардино-ногайскими силами в Кабарде, где погиб Урлюк и некоторые его сыновья, заставили их снова отступить за Яик. Эти поражения на первых порах даже вызвали в калмыцком сообществе мысль навсегда покинуть Волгу и вернуться в Западную Монголию. Однако эти настроения вскоре прошли. В 1645 году калмыки кочевали «на Илецких и Индерских вершинах, по рекам Уил, Киил и Сагыз, т. е. между Яиком и Эмбой», а в 1649 году – по Яику, Ори, Сакмарю, Киилу.

Таким образом, в 30-е годы XVII века присутствие калмыков к западу от Эмбы носило характер непродолжительных военных экспедиций, с тем отличием от предыдущего десятилетия, что они стали повторяться все чаще и чаще. С начала 40-х годов ситуация начинает меняться. Калмыцкие улусы, покидая Прииртышье, Северный и Центральный Казахстан, интенсивно осваивают междуречье Яика и Волги в качестве мест постоянных кочевий, вытеснив отсюда ногаев. Впрочем, отдельные группы ногаев, подчинившись калмыкам, остались на прежних местах и кочевали вместе с новыми хозяевами Волго-Уральских степей. В 1649 году торгоутский тайша Дайчин заявил русскому послу: «А как де мы под Стараханью ногайских, едиганских и елбулутцких мурз и улусных их татар за саблюю взяли, и мы де по тем река и урочищам с теми ногайцы посполу и кочуем вместе по-прежнему, потому что де они, ногайцы, ныне стали наши холопы» (Цит. по: [4. С. 54]). Оставшиеся в Волго-Уральских степях ногайцы так и кочевали вместе с калмыками вплоть до 1771 года, когда заволжские калмыки ушли в Джунгарию [4. С. 61].

Переселение калмыков в Волго-Яицкие степи продолжалось и в дальнейшем, вплоть до 70-х годов XVII века. Так, в 1662 году улусы хошоутских и дербетских тайши прикочевали к левому берегу Яика, а их послы вели в Царицыне переговоры о русском подданстве. Часть калмыков вернулась в Западную Монголию, где в 1635 году чоросы образовали Джунгарское ханство. Основной же причиной переселения калмыков из степей Тоболо-Ишимо-Иртышья и Обь-Иртышского междуречья на запад, на Яик и Волгу, было, очевидно, давление со стороны русского и татарского населения Сибири и активные действия в степи Казахской орды.

В целом, отмечает В. И. Колесник [4. С. 46], ареал расселения калмыков в первой половине XVII века представлял собой выгнутую на север дугу. Крайними точками его амплитуды были Джунгарская котловина на востоке и Прикаспийская низменность на западе, точка покоя – Ишимская степь. Миграции ойратов на запад по этой траектории были обусловлены геополитическими обстоятельствами. Направление на запад было задано давлением на ойратов с востока раннегосударственного объединения восточных монголов. Однако прямой, кратчайший путь на запад через Казахский мелкосопочник и Тургай, как и путь по южной дуге вдоль отрогов Тянь-Шаня через Туранскую низменность (междуречье Сырдарьи и Амударьи), был закрыт казахами. Сибирские же степи были заняты малочисленным и разрозненным населением и к тому же привлекали кочевников своими просторами, богатством растительности и водных источников. Перемещения калмыков в этих пределах в течение первой трети XVII века были достаточно хаотичными. Маршруты перекочевок оставались нестабильными. Однако прослеживается особое тяготение калмыков к степям Тоболо-Ишимо-Иртышского междуречья.

К концу 50-х годов XVII века калмыки, в основном торгоуты, уже прочно обосновались в междуречье Волги и Яика и вошли в состав Российского государства (шерти от 4 февраля 1655 года и 30 марта 1657 года). В то же время значительные группы калмыков оставались еще в Урало-Казахстанских степях. Так в 1654 году некоторые тайши кочевали на Тоболе и Ишиму. В 1662 году хошоутскому тайше Аблаю было запрещено кочевать близко к башкирским угодьям. В 1673 году дербетский тайша Дундук просил разрешение у русских властей на летнее кочевание по реке Ику, что в пяти днях пути от Тобольска. Зимой он вместе со своим братом кочевал вверх по Ишиму. В 1674 году улусные люди Цецен-хана и чоросского тайши Чокура кочевали в 7–10 днях пути от Тобольска.

Принятие российского подданства и официальное разрешение царского правительства на кочевание в волжских степях, включая Придонье, положило начало

прочному освоению калмыками степных пространств правобережья Волги и Предкавказья, закончившемуся в 70–80 годах XVII века. [1. С. 12–47, 117–120; 2. С. 51–82; 3. С. 99–151; 4. С. 36–71, 110; 6. С. 8, 9, 17, 18, 29].

Приведенные данные о переселении на запад калмыков рисуют следующую модель движения кочевников по северному пути через Урало-Казахстанские степи. В случае, если геополитическая ситуация не позволяланомадам Центральной Азии двигаться на запад через Семиречье и Приаралье (южный путь), переселение шло сначала на северо-запад – вдоль западных и северо-западных предгорий Алтая в Обь-Иртышское междуречье. Далее мигранты, осваивая Тоболо-Ишимо-Иртышское междуречье (Северный и Центральный Казахстан), выходили в Южное Зауралье и Приуралье. Отсюда, если позволяла обстановка, они двигались в Волго-Уральское междуречье и далее в Волго-Донские степи до Предкавказья.

Примечания

¹ Впрочем, еще в 1556 году ногайский бий Шейх-Мамай извещал Ивана IV об отражении нападения калмыков. Где именно произошло это столкновение, не уточняется. Но в 1560 году астраханские стрельцы встретили и пленили «калматцких людей многих» в низовьях Яика у Сарайчука. Однако во второй половине XVI в. калмыки только изредка, эпизодически появлялись в пределах ногайских кочевий, постоянно обитая в Западной Монголии и Джунгарии [4. С. 39, 40].

Список литературы

1. Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII вв. : События, люди, быт. Кн. 1. Восхождение на гору Сумеру. Элиста : Калмкнигоиздат, 1992. 204 с.
2. Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. Вып. 5. М. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 48–101.
3. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М. : Наука, 1964. 482 с.
4. Колесник В. И. Последнее великое кочевье : Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. М. : Восточная литература, 2003. 286 с.
5. Ланцанова Л. Ю. Калмыцко-башкирские отношения в XVII–XIX вв. и калмыцкий след в этногенезе башкир // Этнос. Общество. Цивилизация : Кузеевские чтения : Материалы Международ. науч.-практич. конф. Уфа : ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 76 – 81.
6. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата : Гылым, 1991. 238 с.
7. Пьянков И. В. Движение степного населения в Евразийской полосе степей и проблемы этнической истории древнейших индоиранцев // Материальная культура Таджикистана. 1987. Вып. 4. С. 71–84.
8. Таиров А. Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана : Култегін, 2003. С. 157–179.